

ГЛАВА III.

Хотинь. Взглядъ на городъ. Янкель. Контрабандисты. Ярмарки. Нищія. Безъязыкій. Мѣстная торговля. Сцена въ гостинномъ дворѣ. Концертъ. Вводъ во владѣніе. Переправа. Рыболовство.

На высококомъ правомъ берегу Днѣстра, въ двухъ верстахъ отъ австрійской границы, лежитъ Хотинь, уѣздный городъ Бессарабской области, извѣстный въ древности какъ торговое мѣсто генуэзцевъ, а въ XVII столѣтіи какъ городъ, бывшій предметомъ кровопролитныхъ войнъ между Турціей и Польшей. У поляковъ подробно описана хотинская война, стоившая обѣимъ сторонамъ большой потери людей и значительнаго количества денегъ. Къ сожалѣнію, по обычаю того времени, лѣтописцы, нерѣдко многорѣчивые въ описаніи подвиговъ какого нибудь, даже незначительнаго, лица, ни однимъ словомъ не обозначаютъ состоянія страны и почти не говорятъ о мѣстности. Поэтому трудно составить себѣ понятіе о Хотинѣ XVII столѣтія. Мы знаемъ только, что это была грозная, разумѣется, относительно, крѣпость, что доказываетъ и самый видъ ея, сохранившійся до нашего времени; но каковъ былъ собственно городъ—историки не повѣствуютъ. О значеніи Хотина у генуэзцевъ свидѣтельствъ немного, да и тѣ ограничиваются лишь сказаніями, что на Днѣстрѣ были у нихъ поселенія и конторы.

Названіе Хотина указываетъ на славянское происхожденіе, и я не думаю, чтобы окрестности его когда либо были заселены румынскимъ племенемъ. Молдаване тоже называли его Хотиномъ, чему имѣемъ свидѣтельства въ лѣтописяхъ, и сами турки, любящіе переименовывать мѣстныя названія, на этотъ разъ отступили отъ своего обычая, и въ оффиціальныхъ бумагахъ Хотинъ остался неизмѣняемымъ. Отчего у поляковъ сдѣлался онъ Chosim, отчего буква м заступила мѣсто н — не знаю, но полагаю, что въ силу свойства поль-

скаго языка, который, помимо всякихъ законовъ филологіи, превращаетъ мальвазію въ мальмазію и т. п. Если буква t по духу польскаго языка могла быть замѣнена буквою с, потому что слово хоть по польски *choć*, то отчего же говорится не *Chosin*, а *Chosim* — рѣшительно не понимаю. Руснаки въ настоящее время произносятъ *Хотинь*, и я—по своей слабости къ народнымъ познаніямъ — склоняюсь къ послѣднему и полагаю, что такъ назывался этотъ городъ и въ древности; ибо народъ какъ-то слѣпо сохраняетъ по преданіямъ все мѣстные названія. Мягкій знакъ (ь) поставленъ здѣсь не случайно. Если руснакъ говоритъ Рухотинь, онъ могъ бы сказать и Хотинь, но, употребляя твердый знакъ въ названіи упомянутой деревни, онъ не произноситъ его при словѣ Хотинь даже и въ падежахъ косвенныхъ. На это обратилъ я вниманіе еще при первоначальномъ посѣщеніи края.

Какъ бы то ни было, а городъ этотъ игралъ важную роль въ исторіи Польши и служилъ поприщемъ не одному польскому генералу для выказыванія военныхъ способностей. Все усилія поляковъ, ихъ жертвы, кровь лучшаго воинства не послужили ни къ чему: имъ не удалось взять Хотина, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ они потеряли лучшую часть Подолія съ Каменцемъ, въ которомъ и до сихъ поръ еще видны слѣды турецкаго владычества.

Въ настоящее время Хотинь, представляя въ дождливое время невылазную грязь, а въ сухое — цѣлыя тучи пыли, лежитъ почти въ сторонѣ отъ большой дороги, такъ что, проѣзжая на почтовыхъ, вы увидите небольшую часть его, не познакомясь даже съ фізіономіей города. Слова нѣтъ — фізіономія эта не весьма интересна, однако все-таки есть въ ней что-то своеобразное, хотя именно въ той части города, которая не представится проѣзжему. Если ямщикъ повезетъ и не кратчайшей дорогой, то все-таки путешественникъ увидитъ лишь новый Хотинь, т. е. болѣе или менѣе правильные домики, окна съ занавѣсками, сѣрые заборы—необходимую принадлежность уѣздныхъ городовъ—выбѣленные трубы и обычную мертвенность, потому что здѣсь нѣтъ никакой торговли. Для проѣзжихъ есть нѣсколько постоянныхъ дворовъ, устроенныхъ по примѣру заѣздныхъ домовъ пограничной Подольской губерніи. Содержатъ ихъ евреи, иные довольно чисто, и если вы не встрѣтите сносной покойной мебели, если найдете на кровати вмѣсто матраца сѣно, а въ щеляхъ цѣлыя міриады клоповъ, то въ награду вамъ останется утѣшеніемъ необык-

новенная дешевизна, почти баснословная. За полтинникъ вамъ отведутъ двѣ комнаты съ различною утварью. Конечно, комфорта никакого, мебель досчатая, и то не всегда гладко выстроганная, но вѣдь комфортъ дѣло условное, да и нельзя требовать его отъ захолустья, когда и въ большихъ провинціальныхъ городахъ рѣдкая гостинница съ двухрублевыми номерами можетъ похвалиться приличной меблировкой. Хотинскіе постоялые дворы никогда не бываютъ пусты, и какъ жизнь въ провинціи проходитъ не взаперти и не въ моральной замкнутости, то поминутно можно приобрести разнообразныя знакомства. Провинціальный обычай—знать, что дѣлается вокругъ—не представитъ вамъ возможности жить въ уединеніи: съ вами непременно познакомятся, и будьте увѣрены, что ваша поднаготная извѣстна новому знакомому не со времени обоюдной рекомендаціи, а задолго до этого при помощи прислуги, хозяина, разнощиковъ и даже какого нибудь вѣстовщика, котораго вы и въ глаза не видали. Отворяется дверь, и входитъ господинъ.

— Мое почтеніе,

— Здравствуйте.

— Имѣю честь рекомендоваться: вашъ сосѣдъ.

— Очень радъ.

— Всѣ теперь на службѣ, скучно сидѣть, такъ и пришелъ побалагурить.

Потомъ слѣдуютъ разспросы, разумѣется для проформы: кто, откуда, зачѣмъ и проч. Не принять нельзя, и волей и неволей вы должны бесѣдовать съ господиномъ, который находитъ удовольствіе болтать съ вами, но порою наводитъ на васъ невыразимую скуку. Иныя барыни, узнавъ, что вы изъ Петербурга, и познакомясь какъ нибудь при встрѣчѣ на крыльцѣ, начинаютъ спрашивать о модахъ, и, хотя бы вы увѣряли ихъ, что нѣсколько лѣтъ уже выѣхали изъ Петербурга, все-таки должны сообщить требуемыя свѣдѣнія и рассказывать столичные обычаи. Случается и такъ, что входитъ незнакомецъ, рекомендуется и спрашиваетъ: играете ли вы въ преферансъ? и на отрицательный отвѣтъ дѣлаетъ весьма печальную фізіономію: видите ли, съ нимъ рядомъ помѣстился сосѣдъ, готовый по суткамъ просиживать за картами, а въ уѣздномъ городѣ можно только играть вечеромъ, потому что чиновники, возвратясь со службы, имѣютъ обыкновеніе поспать послѣ обѣда въ свое удовольствіе. Но если вы изъ играющихъ, то веселая компанія овладѣетъ вами, забудетъ

про свои дѣла, и васъ ожидаютъ непрерывныя битвы на зеленомъ полѣ. Но въ Хотинѣ явился ко мнѣ одинъ замѣчательный господинъ, какіе не попадались мнѣ въ уѣздныхъ городишкахъ. Онъ раскланялся очень развязно и сѣлъ какъ человѣкъ, сознающій свое достоинство. У него былъ въ рукахъ портфель. Полагая, что это визитъ сосѣда по номеру, я ожидалъ обычныхъ разспросовъ или предложенія сыграть пульку, но незнакомецъ сразу началъ мнѣ рассказывать о своихъ литературныхъ и юридическихъ способностяхъ. Дѣло скоро объяснилось. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги писать за меня все, что угодно, по сходной цѣнѣ, даже, если нужно, то и «къ самому министру».

— Вы, прибавилъ онъ:— можете пріятно проводить время, отдыхать, а я за васъ буду работать. Повѣрьте, м. г., моей двадцатилѣтней опытности, я успѣшно составляю не только дѣловыя бумаги, но и самыя нѣжныя письма.

Въ портфель было у него нѣсколько образчиковъ на русскомъ и польскомъ языкахъ, польскіе составлены недурно и, вѣроятно, почерпнуты изъ какихъ нибудь источниковъ, но рускіе—просто переводы послѣднихъ, весьма неудачные и наполненные вопіющими полонизмами. Орфографія плохо соблюдалась какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ. Я нарочно заказалъ этому господину нѣсколько писемъ по 30 к., которыя и принесъ онъ мнѣ на другой день, но это такая ерунда, нисколько не забавная, что я не рѣшаюсь предложить читателямъ даже и одного образчика. Господинъ этотъ живетъ однако же своимъ трудомъ, слѣдовательно находитъ кліентовъ, прибѣгающихъ къ помощи подобнаго борзописца.

Находясь въ глухомъ уголкѣ, у самой границы, имѣя опаснаго соперника по торговлѣ въ Каменцѣ-Подольскѣ, отстоящемъ всего на 20 верстъ, Хотинъ, тѣмъ не менѣе, служитъ пунктомъ сношенія даже съ далекими городами имперіи. Предметомъ здѣсь— контрабанда, а преимущественно кантонскій чай, для котораго Хотинъ представляется однимъ изъ обширныхъ складовъ. Конечно, нѣтъ той контрабанды, какой не достали бы вы въ Хотинѣ—она и расходится по окрестности, но чай отсюда развозится на украинскія ярмарки и идетъ, къ удивленію, на побережья Чернаго моря, куда легче прибывать ему водою. Въ этой торговлѣ сталкиваются двѣ народности: евреи, добывающіе чай изъ-за границы, и липоване (русск. раскольники), кото-

рые занимаются дальнѣйшимъ отправленіемъ этого продукта на внутренніе рынки, а больше своимъ же братьямъ раскольникамъ, торгующимъ въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и по всей Новороссіи. Нѣкоторыя партіи ловятся таможенными при слѣдованіи изъ-за границы, нѣкоторыя захватываются уже въ Бессарабіи земскою полиціей, но полагать надо, что эти случаи относятся къ весьма удачнымъ, въ видѣ исключенія, и не имѣютъ никакого вліянія на запрещенную торговлю, дѣйствующую систематически. Чай приходитъ сюда изъ-за Прута и изъ-за Днѣстра; послѣднимъ путемъ въ большемъ количествѣ, но иногда контрабандисты съ побережья въ Прута, провѣдавъ гдѣ нибудь засаду, отправляются черезъ буковинскіе лѣса къ Хотину, гдѣ вслѣдствіе разныхъ условій трудно скрыть запрещенные товары.

Старый городъ, тѣснящійся по нагорному берегу ближе къ крѣпости, состоитъ изъ сплошныхъ рядовъ лавокъ и лавочекъ, занимающихъ нижніе этажи домовъ, а въ серединѣ дворовъ, гдѣ биткомъ набиты евреи, такой лабиринтъ разныхъ пристроекъ, клѣтушекъ, переходовъ, что трудно добраться толку. Дворы эти въ иныхъ мѣстахъ имѣютъ одинъ съ другимъ сообщенія, да, кромѣ того, подъ нѣкоторыми вырыты большіе погреба еще во времена турецкаго владычества. Мудрено ли при находчивости евреевъ, занимающихся контрабандой, при ихъ ловкости и умѣньѣ обдѣлывать тайныя дѣла, что запрещенная торговля ихъ ускользаетъ отъ надзора, еслибы даже предположить надзоръ этотъ безукоризненнымъ. Какихъ многочисленныхъ командъ нужно было бы для розыска, да и возможенъ ли непрерывный розыскъ по какому нибудь подозрѣнію. Ужъ если на границѣ не усмотрѣли провоза запрещенныхъ товаровъ, то нелегко поймать ихъ внутри края. Однимъ словомъ, Хотинъ иное время набитъ контрабандой, которая однако же быстро исчезаетъ, и если шпіоны и даютъ знать кому слѣдуетъ, то и контрабандисты не дремлютъ въ свою очередь. Полотна и шелковые товары здѣсь очень дешевы, но не въ такомъ количествѣ, какъ заграничный чай, который появляется сотнями пудовъ, но поспѣшно вывозится на мѣстечко Бричаны или, что очень рѣдко, береговой дорогой на Могилевъ-Подольскій. Ко мнѣ ходилъ одинъ жидокъ, неимѣвшій никакого опредѣленнаго занятія, родомъ волынецъ, проживавшій въ Хотинѣ у какихъ-то родныхъ, и отъ него я часто пользовался весьма интересными свѣдѣніями о разныхъ пограничныхъ продѣлкахъ. Познако-

мился я съ нимъ случайно и весьма оригинальнымъ способомъ. Возвратясь изъ поѣздки по Буковинѣ и расположась въ просторной, большой комнатѣ послѣ двухнедѣльной кочевки по руснацкимъ хатамъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ собирался присѣсть за работу на широкомъ столѣ, у свѣтлыхъ оконъ, выходившихъ на площадь. Слуга мой куда-то вышелъ; дверь, по обычаю провинціальныхъ городковъ, не была заперта, и я ничуть не удивился, увидя передъ собою незнакомую фигуру еврея, который, уставивъ на меня блестящіе умные глаза, ожидалъ, пока я обращусь къ нему съ вопросомъ.

— Что скажешь, любезный? спросилъ я, считая его прислужникомъ хозяина.

— А я вамъ скажу, какая у меня *веба* (подъ этимъ именемъ разумѣется голландскій холстъ).

— Не надо мнѣ вебы.

— Вай! антыкъ!

— Убирайся ты со своимъ антикомъ и не мѣшай мнѣ, пожалуйста.

— Да вы посмотрите...

И еврей бросился въ переднюю, притащилъ оттуда большой узелъ и началъ его развязывать. Кто проживалъ въ западныхъ губерніяхъ, тому не новость невыносимая иногда назойливость разнощиковъ, которые добиваются единственно одного—вывести васъ изъ терпѣнія, рассчитывая на то, что вы купите какую нибудь бездѣлицу изъ желанія отвязаться поскорѣе или поколотите его, а послѣ, раскаиваясь въ горячности, дадите ему уторговать нѣсколько копѣекъ. Еврей-разнощикъ за тычкомъ не гонится, — ему нуженъ барышъ, а какъ онъ достался — все равно, ему до этого рѣшительно нѣтъ надобности. Разумѣется, я никогда не позволялъ себѣ кулачной расправы, имѣя объ этомъ свои понятія, но многіе, даже почтенные, люди находятъ не только законнымъ, а, должно быть, и пріятнымъ—побить беззащитнаго еврея. Но, повторяю, надо много твердости характера или устоячивости принциповъ, чтобы не разсердиться при навязчивости разнощиковъ, если войдетъ ихъ нѣсколько въ одно и то же время. Просьбы, брань, угрозы на нихъ не дѣйствуютъ; еслибы вы наконецъ рѣшились вытолкать силою одного, то два другіе успѣли уже разложить свои товары, а пока начали бы вы изгонять этихъ, то прежній войдетъ обратно и выброситъ на полъ предметы, которыми думаетъ прельстить васъ. Но-

вечки обыкновенно теряются въ подобномъ случаѣ и готовы сдѣлать скандалъ или бросить деньги; но кто свыкся съ подобнымъ порядкомъ вещей, тотъ жертвуетъ нѣсколько времени на мирное окончаніе дѣла и, если обладаетъ хладнокровіемъ, можетъ довольно скоро отдѣлаться отъ безпокойной назойливости. Знакомый по Волыни, Подольской губерніи и по малорусскимъ ярмаркамъ съ евреями-разнощиками, я не ссорился ни съ однимъ, и, когда не имѣлъ нужды купить что нибудь, я никогда не тратилъ даромъ ни копѣйки. Такъ и теперь при видѣ груды холстовъ, разложенныхъ на полу, я, скрѣпя сердце, свернулъ папироску, закурилъ ее и отодвинулъ въ сторону »Хотинскія войны«, которыя хотѣлось мнѣ прочесть внимательно.

— Ну, показывай! сказалъ я, вооружась необходимымъ терпѣніемъ.

Еврей взялъ штуку пресквернаго австрійскаго полотна, почти бумажнаго, и подалъ. Я махнулъ рукою. Разнощикъ быстро отбросилъ ее и показалъ слѣдующую. Не говоря ни слова, я только жестомъ изъясилъ нежеланіе. Наконецъ на днѣ было нѣсколько штукъ дѣйствительно хорошаго полотна, и еврей съ торжествующей улыбкой подсунулъ мнѣ одинъ кусокъ почти къ самому носу. Я попрежнему махнулъ рукою.

— Какъ, и это нехорошо?

— Я не говорю нехорошо, а мнѣ не надо.

— Не надо? да знаете ли, какъ я дешево продамъ?

— Не нужно.

Еврей посмотрѣлъ на меня хитрымъ своимъ взоромъ.

— Антыкъ!

— У тебя больше ничего нѣтъ?

— Да вы посмотрите!

— Видишь ли, я сдѣлалъ тебѣ удовольствіе и полюбовався на твой товаръ, теперь же и ты будь снисходителенъ— оставь меня: мнѣ некогда.

— Вай! такой добрый панъ и не хочетъ купить... А, можетъ, вамъ принести сукно, трико...

Еврей остановился, поблѣднѣлъ, не говоря ни слова, бросился опретью изъ комнаты и оставилъ меня съ цѣлою грудой разбросанныхъ полотенъ. Полагая, что онъ выбѣжалъ за другими товарами, я рѣшился еще нѣсколько минутъ пожертвовать на осмотръ ненужныхъ мнѣ предметовъ. Но разнощикъ не возвращался четверть часа, полчаса. Слуга

мой успѣлъ уже сходить на базаръ, а еврея не было. Я терялся въ догадкахъ, но, приказавъ убрать подъ диванъ кипу холстовъ, рѣшился дожидаться развязки непонятнаго событія. Уходя подъ вечеръ на свои этнографическіе поиски, я велѣлъ въ случаѣ прихода еврея за товаромъ — не отдавать до моего возвращенія. Возвратился я въ сумерки, но разнощика не было. Мнѣ уже захотѣлось спать — какъ таинственно постучались въ двери. Я велѣлъ отворить въ надеждѣ встрѣтить загадочнаго еврея. Дѣйствительно съ робкой улыбкой и униженными поклонами предсталъ разнощикъ и остановился у порога.

— Ты за своимъ товаромъ?

— Да, если ваша ласка...

— Какъ моя ласка? развѣ же ты думалъ, что я захочу имъ воспользоваться?

Еврей молчалъ.

— Все лежитъ подъ диваномъ. Можешь взять, но скажи мнѣ, что за исторія случилась съ тобой?

Еврей ободрился и подошелъ ближе.

— Когда я показывалъ вамъ лучшую вебу, шепнулъ онъ: — мимо оконъ прошелъ кордонный, котораго всѣ боятся... Вай, какой строгій!.. Я думалъ, что онъ къ вамъ, ну, испугался на смерть.

— Да какъ же ты рѣшился оставить товаръ? А еслибы я его представилъ въ полицію.

— Такой человекъ, какъ ваше сіятельство...

— То-то сіятельство...

— Всѣ торгуютъ, всѣмъ надо кусокъ хлѣба...

— Я знаю, что всѣ вы контрабандисты, но какъ же дѣлать такъ, очертя голову.

— Такъ вамъ ничего не нужно? Я уступилъ бы по своей цѣнѣ.

— Ненужно и не совѣтую въ другой разъ надоѣдать мнѣ...

Съ низкими поклонами еврей взялъ свою связку; укладывая полотна, онъ незамѣтно пересчиталъ куски и, спросивъ еще разъ — не нужно ли мнѣ сукна, трико или хорошей *гербаты* (чаю) — ушелъ поспѣшно со своей ношей. На другой день я кликнулъ *мишуриса* (дворникъ, прикащикъ на еврейскихъ постоянныхъ дворахъ), которому поручилъ купить мнѣ хорошихъ спичекъ. Надо сказать, что спички въ то время были еще запрещены, хотя и продавались въ каждомъ

мѣстечкѣ. Мишурисъ просилъ повременить, потому что ему было некогда, впрочемъ, обѣщаль прислать какого нибудь продавца спичекъ, которые часто заглядываютъ по заѣзднымъ домамъ въ надеждѣ найти практику. Не успѣлъ мишурисъ уйти, какъ явился уже ко мнѣ мой вчерашній знакомецъ и спросилъ, не надо ли мнѣ чего.

— Вотъ ты принеси бы мнѣ спичекъ.

— Можно. А сколько надобно?

— Да хоть бы дюжину пока, а если будутъ хороши, куплю и больше.

— Будутъ антыкъ.

— Но, почему же этотъ антикъ?

— Ну, что вамъ спрашивать, вы сами знаете.

— Я знаю, что онѣ здѣсь дешевы, но не знаю—почему ты спросишь.

— Съ васъ не возьму лишняго — 30 к. дюжина.

Я уставилъ на него глаза. Конечно, въ Хотинѣ можно было купить дюжину за 25 коп., но меня изумляло обстоятельство — зачѣмъ не спросилъ онъ 75 к. или рубль — какъ это дѣлаютъ они съ приѣзжими, особенно издалека.

— Согласенъ, сказалъ я:—но только, чтобъ спички были не поддѣльныя, а вѣнскія.

— Сами увидите.

— Зачѣмъ же ты съ меня не запрашивалъ.

— Затѣмъ, что вы добрый панъ, можетъ быть, купите у меня другаго товару и дадите уторговать бѣдному человѣку.

— Врядъ ли я что куплю у тебя, не имѣя ни въ чемъ надобности, но, если хочешь исполнять мои порученія, я охотно буду платить тебѣ, потому что, кажется, ты здѣсь отлично все знаешь.

Еврей раскланивался, но глаза его такъ и впивались въ меня.

— А какія будутъ порученія? спросилъ онъ тихо и привставъ на цыпочки.

— Разныя.

— Купить, отыскать, можетъ быть, продать? А вы женаты?

— Нѣтъ.

Еврей потеръ руки.

— Есть антыкъ, антыкъ!...

— Какой антикъ?

Онъ засмѣялся. Я тоже.

— Нѣтъ, братъ, сказала я: — по части антиковъ, о которыхъ ты говоришь, потолкуемъ послѣ, а теперь принеси мнѣ спичекъ.

По уходѣ его я позвалъ мишуриса.

— Ты знаешь этого еврея?

— Часто вижу.

— Онъ здѣшній?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Всѣмъ.

— А гдѣ живетъ?

— Не знаю.

Черезъ полчаса явился мой посланный и принесъ мнѣ три дюжины превосходныхъ заграничныхъ спичекъ. Я взялъ всѣ и далъ ему гривенникъ на водку.

— А много получилъ барыша? спросилъ я.

— Вѣрьте Богу, двадцать грошей (10 к.).

— Вѣрю.

Съ тѣхъ поръ Янкель сдѣлался моимъ неотступнымъ спутникомъ. Онъ рѣдко, правда, входилъ ко мнѣ, но непрерывно вертѣлся передъ окнами, и, стоило мнѣ выйти за ворота, онъ торчалъ гдѣнибудь подъ заборомъ — и всѣ мои порученія исполнялъ съ необыкновенною акуратностью. Я ходилъ съ нимъ по окрестностямъ, по дальнимъ закоулкамъ города, къ Днѣстру и убѣдился, что Хотинъ былъ ему такъ же знакомъ, какъ собственные пять пальцевъ. Хотя онъ божился, что я приобрѣлъ особенное его расположеніе съ извѣстнаго вечера, когда онъ оставлялъ у меня полотно, однако я очень хорошо видѣлъ, что онъ искалъ сближенія со мною совершенно съ другой цѣлью, нежели въ надеждѣ на заработокъ. Между евреями пронеслась молва о пріѣздѣ какого-то тайнаго ревизора. Когда я появился въ сѣверной Бессарабіи и прямо поѣхалъ по Буковинѣ, они было всполошились, но потомъ узнали, что я не имѣлъ никакого служебнаго порученія. По возвращеніи въ Хотинъ — уѣзжай я тотчасъ — они и были бы спокойны; но, когда я остановился въ городкѣ на неопредѣленное время и началъ свои поиски, для нихъ непонятные — хожденіе къ Днѣстру, путешествіе по окрестностямъ, когда, останавливаясь въ полѣ съ руснаками, я вступалъ въ разговоры, дарилъ дѣтямъ лакомства, входилъ въ корчмы, — подозрѣніе въ евреяхъ возобновилось, и Янкель былъ пристав-

лень ко мнѣ для развѣдокъ. Немного стоило мнѣ труда узнать объ этомъ, и я на первыхъ же порахъ сказалъ неотступному чичероне о своей догадкѣ и посоветовалъ ему заняться какимъ нибудь болѣе выгоднымъ дѣломъ, прибавя, что всѣ усилія его будутъ напрасны. Чичероне мой почесалъ затылокъ и дня два не появлялся, потомъ принесъ какой-то вздоръ, и мы уже съ нимъ не разставались. Благодаря Янкелю, я узналъ кое-что о недозволенной торговлѣ и контрабандистахъ какъ нашихъ, такъ и австрійскихъ, съ которыми, повидимому, онъ бывалъ въ короткихъ сношеніяхъ. Чайная торговля ведется въ обширныхъ размѣрахъ по Пруту, но изъ-за Днѣстра иногда доставляются большія партіи, особенно въ темныя осеннія ночи. Надо здѣсь замѣтить, что, имѣя издавна пристрастіе къ чаю и находя на югѣ чай дурнаго качества, я выписывалъ себѣ его постоянно изъ Москвы и, признаюсь откровенно, раздѣлялъ мнѣніе, что чай, привезенный моремъ, непременно дурень и несравненно ниже кяхтинскаго. Преданіе это, конечно, пущенное въ ходъ нашими оптовыми торговцами, имѣеть нѣкоторыя основанія, но многіе любители, и я въ томъ числѣ, вѣрили ему безусловно, платя большія сравнительно деньги за чай, вымѣниваемый въ Кяхтѣ. Поселясь на границѣ, такъ сказать, въ центрѣ торговли кантонскими чаями, я рѣшился выпробовать всѣ сорта для убѣжденія — въ какой мѣрѣ справедливо предпочтеніе чаямъ кяхтинскимъ и стоитъ ли платить вдвое или втрое за удовольствіе наливать себя водою, настоенною на китайскомъ растеніи, потому только, что послѣдніе путешествуетъ черезъ Сибирь по рѣкамъ и на русскихъ тройкахъ, а не по океану на пароходахъ и подъ парусами. Янкель взялся удовлетворить мое любопытство: онъ принесъ мнѣ три сорта, неподмѣшанныхъ еще для продажи, — въ 60 к., 1 р. 20 и 1 р. 50 к. Первый изъ нихъ очень дурень и отличается отвратительнымъ запахомъ, но второй лучше, а третій — просто цвѣточный чай, за который мы нерѣдко платимъ 3 р. 50 и болѣе. Не спору, кяхтинскіе чай вкуснѣе, потому что самое растеніе въ тѣхъ провинціяхъ, откуда онъ доставляется, лучшаго качества; но есть высшіе сорта кантонскаго чая очень хорошіе, и надо имѣть большую опытность, чтобъ отличить ихъ отъ кяхтинскихъ, т. е. такую опытность, которая, во первыхъ, дана весьма немногимъ, а, во вторыхъ, прилагаема уже какъ мѣрило роскоши. Чай вообще имѣеть свойство принимать запахъ вещества, въ сосѣдствѣ котораго лежитъ онъ, но если его везутъ въ цибикахъ

моремъ или сухимъ путемъ, онъ въ этомъ случаѣ одинаково обезпеченъ, потому что, еслибы онъ могъ принять запахъ смолы на кораблѣ, то почему же не принять ему запаха дегтя отъ русскихъ телѣгъ и того аромата, который виситъ густымъ слоемъ надъ нашими обозами. А дѣло вотъ въ чемъ: кантонскій чай перевозится черезъ нашу границу для большаго удобства въ мѣшкахъ и, конечно, теряя свой запахъ, принимаетъ уже посторонніе, смотря по обстоятельствамъ. Но, если вы купите чай, привезенный въ ящикахъ, онъ довольно душистъ, вкусенъ и, хоть не имѣетъ тонкаго букета, доступнаго лишь записнымъ знатокамъ, однако обладаетъ очень важнымъ для небогатыхъ преимуществомъ — дешевизною, уменьшающею вашъ чайный расходъ на 100%. Причина же — отчего на югѣ очень плохіе чай — заключается собственно въ сортировкѣ и въ образѣ доставки ихъ тайнымъ образомъ въ мѣшкахъ подъ какими нибудь сырыми продуктами, даже кожами, лукомъ и т. п. пахучими веществами. Контрабандный чай доставляется большими партіями и въ Москву, откуда отправляютъ уже его на югъ подъ видомъ кяхтинскаго, иногда съ примѣсью послѣдняго, а иногда и въ чистомъ состояніи. По крайней мѣрѣ тотъ чай, за который я платилъ въ Хотинѣ 1 р. 50 к., а въ Могилевѣ-Подольскомъ 2 р., такъ же хорошъ, какъ трехъ и даже четырехрублевый, развѣшенный по фунтамъ и запломбированный, въ нѣкоторыхъ столичныхъ магазинахъ.

Прутскіе и днѣстровскіе контрабандисты постоянно доставляютъ чай изъ-за границы черезъ Хотинъ и Бричаны, и смѣло можно сказать, что онъ продается во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Новороссіи и Бессарабіи. Обстоятельство это не можетъ быть неизвѣстно каждому, какъ и тайная продажа заграничныхъ спичекъ, когда онѣ были запрещены положительно, а между тѣмъ продавались повсемѣстно и перевозились изъ-за границы въ огромномъ количествѣ. Янкель мнѣ рассказывалъ, что контрабандная торговля чаемъ выгоднѣе всякой другой, такъ что пойматься одинъ разъ изъ шести — бѣда еще небольшая. Обыкновенно партія мѣшковъ провозится ночью и, если можно, тотчасъ же отправляется въ дальнѣйшій путь, если же нельзя — складывается въ такихъ погребкахъ, куда непосвященному добраться не только трудно, но и не всегда безопасно. У полиціи есть свои лазутчики, но и контрабандисты не безъ догадливости. На случай тревожныхъ свѣдѣній, отправка чаевъ производится иногда оригиналь-

нымъ способомъ: среди бѣла дня мѣшки съ чаемъ вывозятся иногда за городъ *подъ навозомъ* и складываются гдѣ нибудь на поляхъ до болѣе удобнаго времени. Во мое время однако же усилилось преслѣдованіе чайной контрабанды внутри края, такъ что перевозить изъ-за границы, особенно черезъ Прутъ, было безопаснѣе, нежели отправлять изъ Хотина или изъ Бричанъ; но торговля не дремала и дѣлала свое дѣло, подвергаясь всѣмъ случайностямъ риска. Какъ я ни просилъ Янкеля доставить мнѣ возможность посмотрѣть на тайный провозъ, онъ всегда отказывался, говоря, что самъ лично не участвовалъ ни въ одной контрабандной экспедиціи, а только слышалъ отъ другихъ про разныя приключенія. Разумѣется, я не вѣрилъ Янкелю, да и онъ очень хорошо зналъ это недо-вѣріе, а между тѣмъ охотно исполнялъ всѣ прочія мои порученія. Что онъ меня не боялся — объ этомъ и говорить нечего, иначе не приносилъ бы мнѣ ни чая, ни спичекъ, не рассказывалъ бы мнѣ, что такой-то поймался, но ушелъ, не передавалъ бы интересныхъ свѣдѣній, а меня занимало — отчего онъ страшился показать мнѣ какую нибудь сцену изъ быта контрабандистовъ. Гуляя съ нимъ однажды по обрыву Днѣстра, противъ с. Браги, гдѣ я возсоздавалъ себѣ переправу польскихъ войскъ по эту сторону, я прямо сказалъ Янкелю, что онъ напрасно не хочетъ доставить мнѣ удовольствія. Покачавъ головой, онъ попросилъ табаку на папироску. Я исполнилъ его желаніе и больше не настаивалъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Какая же вамъ польза увидѣть контрабандистовъ? спросилъ онъ.

— Пользы никакой.

— Вы не успѣли бы дать знать полиціи.

— Я и не думаю объ этомъ. Конечно, я знаю, что контрабанда противозаконна, убытокъ казнѣ, но, во первыхъ, смотрѣть за этимъ не моя обязанность, а, во вторыхъ, есть для этого лица, которыя получаютъ жалованье, чины и ордена собственно за наблюденіе надъ границей.

— Гмъ! контрабандисты такіе же люди, какъ и мы съ вами.

— И въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Вы и купить у нихъ ничего не можете.

— Мнѣ ничего и не нужно.

— Ну что же вамъ поможется?

— Просто любопытство.

— А если насъ подмѣтятъ, какъ вы думаете — что будетъ съ нами?

— Чтонибудь нехорошее.

— Вай!

— Я тебя не принуждаю, а говорю, что хотѣлъ бы видѣть; за услугу же, такъ и быть, подарилъ бы двадцать злотыхъ (3 р.).

— Гмъ! Двадцать злотыхъ! и никому не сказали бы?

— Никому.

— Честное слово.

— Дамъ и честное слово.

— Нѣтъ, я не могу, потому что не знаю, а только слышаль отъ другихъ.

Дня два послѣ того не было у меня съ Янкелемъ разговора о моемъ любопытствѣ. Подъ вечеръ въ субботу онъ оставилъ противъ моего окна. Я отворилъ раму.

— Ну что, Янкель, скоро кончится шабашъ?

— Съ заходомъ солнца. А не хотите ли прогуляться?

— Я уже много ходилъ. А что?

— Ничего. Я хотѣлъ повести васъ въ Варницу къ Пригородку.

Мнѣ показалось, что Янкель посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно.

— Пожалуй, пойдѣмъ, только не поздно ли?

— Нѣтъ, только вы возьмите ружье, можетъ быть, попадетъ чтонибудь.

— Чему же тутъ попадаться?

— Да такъ, на всякій случай, можетъ быть, проходимъ до позда. Только, если угодно, пойдите сперва одни прямо надъ Днѣстромъ, куда вы всегда ходите. Въ Пригородкѣ зайдите въ какуюнибудь хату, побалагурьте, а потомъ ступайте лѣсомъ. Вѣдь вы не боитесь?

— Бояться нечего, да у меня же будетъ и ружье съ собою.

— Кромѣ того изъ разныхъ мѣстъ народъ пустится на завтрашній ярмарокъ. Въ лѣсу я васъ подстерегу и, можетъ быть, покажу кое-что. А вы помните ваше честное слово?

— Какое?

— Тамъ, надъ Днѣстромъ.

— А! помню.

— Такъ прощайте!

Догадываясь, въ чемъ дѣло, я зарядилъ ружье дробью,

захватилъ подѣ пальто на всякій случай револьверъ и, запасшись сигарами, отправился скорымъ шагомъ внизъ къ Днѣстру, куда ходилъ довольно часто, но, минуя Атаки, направился къ Пригородку. Тамъ у меня былъ знакомый руснакъ, къ которому я и зашелъ отдохнуть и дожидаться сумерекъ. Хозяина однако-жъ я не засталъ, но хозяйка, усѣвшаяся съ семьей за мамалыгу, предложила мнѣ поужинать. Послѣдовали разспросы — зачѣмъ я вышелъ такъ поздно, — надо было выдумать какую нибудь причину и посидѣть подѣ видомъ усталости. Когда я выходилъ изъ Пригородка — совершенно стемнѣло. Августовская ночь налегла на окрестность, и тучи заволокли зарево запада. Въ концѣ деревни, при входѣ въ лѣсъ, какой-то страхъ проникъ мнѣ въ душу, но любопытство оказалось сильнѣе, и я пустился по дорогѣ, которая едва виднѣлась между деревьями. Надо сказать однако-жъ правду, что я держался середины и зорко смотрѣлъ по сторонамъ, какъ, бывало, дѣлывалъ во время скитаній по Кавказу и Закавказью. Въ теченіе получаса я обдумывалъ свой поступокъ и не находилъ въ немъ ничего предосудительнаго, тѣмъ болѣе, что за свое любопытство я могъ поплатиться, если не жизнью, то, можетъ быть, увѣчьемъ... По временамъ я останавливался и прислушивался. Тишь стояла такая, что, какъ ни напрягалъ я слухъ, глубокое безмолвіе не нарушалось даже шелестомъ вѣтки о вѣтку, и только отъ Днѣстра неслись неясные звуки человѣческихъ голосовъ, какіе обыкновенно раздаются въ неуснувшей еще деревнѣ. То приходило мнѣ желаніе, чтобъ Янкель не встрѣтился по дорогѣ, то хотѣлось найти его скорѣе въ этомъ мрачномъ безмолвіи. Легкій кашель недалеко въ кустахъ, направо, вывелъ меня изъ задумчивости. Остановясь, я отвѣтилъ самымъ тихимъ кашлемъ.

— Это вы? раздался шопотъ по польски.

Надо сказать, что мы усвоили себѣ польскій языкъ въ разговорахъ съ Янкелемъ, потому что послѣдній владѣлъ имъ гораздо лучше, нежели русскимъ.

— Я.

— Ну, и хорошо. Подходите ко мнѣ на голосъ, только отверните ружье въ сторону, чтобы какъ нибудь не выстрѣлило.

Не успѣлъ я подойти, какъ Янкель, схвативъ меня за руку, повелъ въ ужаснѣйшую чащу, рекомендуя молчаніе. Мы шли не менѣе десяти минутъ и остановились.

— Скоро ли? спросилъ я.

— А вотъ еще немного.

Дѣйствительно скоро мы вошли въ такое мѣсто, откуда, казалось, невозможно дальше слѣдовать.

— Здѣсь будемъ дожидаться и увидимъ, сказалъ Янкель.

— Дождаться-то, можетъ, и дождемся, замѣтилъ я:—но увидѣть — врядъ ли, потому что нужны кошачьи глаза.

— Да, темненько, а между тѣмъ нѣтъ лучше поры: и темно, и сухо, и листья не шелестятъ подъ ногами. Однако, если хотите курить, курите поскорѣе, а послѣ будетъ нельзя, да и разговаривать не слѣдуетъ.

Я закурилъ папирску и уже по собственной догадливости закрывалъ огонь рукою. Мы помѣстились въ ужаснѣйшей густынѣ между кустарникомъ, но, когда глазъ привыкъ къ темнотѣ, видно было, что мы на краю какой-то лощины, такъ что, всматриваясь пристальнѣе, замѣчалась внизу тропинка при свѣтѣ звѣзднаго неба, которое проглядывало между вершинами деревьевъ. Насъ же рѣшительно никто не могъ усмотрѣть, да и добраться къ намъ не предстояло иной возможности, кромѣ пути, какимъ пришли мы сами. Впрочемъ, со мною былъ отличный знатокъ мѣстности, и я спокойно докуривалъ папирску. Страхъ исчезъ совершенно, и съ большей силой заходило во мнѣ любопытство, поглотившее все мое вниманіе.

— Какъ думаешь, Янкель, шепнулъ я:—можно еще зажечь спичку — посмотрѣть на часы?

— Можно, отвѣтилъ онъ: — только прилягте на землю и покройте часы фуражкой. Кто знаетъ, можетъ быть, они недалеко.

Я послѣдовалъ совѣту моего спутника. Было около десяти часовъ. Мы шептались. Я спросилъ, какая же контрабанда должна проходить черезъ Варницу. Янкель шопотомъ отвѣтилъ мнѣ, что ожидали изъ-за границы большой партіи чая, которая къ разсвѣту, можетъ быть, будетъ уже далеко. Это былъ послѣдній рискъ одного еврея, начавшаго торговлю официально мелочнымъ товаромъ, а неофициально спичками и въ нѣсколько лѣтъ составившаго порядочный капиталъ, такъ что могъ уже заниматься и болѣе цѣнной контрабандой. Въ ожидаемую партію чая онъ вложилъ всѣ деньги и далъ зарокъ, если дѣло удастся, бросить запрещенную торговлю и заняться подрядами, а если нужно, то и переѣхать въ другое мѣсто. Прошло еще съ полчаса. Мною начало уже овла-

дѣвать нетерпѣніе, и никогда въ юношескомъ возрастѣ не ожидалъ я съ такою лихорадочною дрожью гдѣ нибудь въ саду шелеста знакомой походки, какъ ожидалъ въ глухомъ лѣсу какого нибудь шума, который предвѣщаль бы приближеніе контрабандистовъ.

— И, ты думаешь, съ ними ничего не случится? спросилъ я у Янкеля на ухо.

— Кто его знаетъ, должно бы кончиться благополучно. Видите ли: хозяинъ дѣла молодецъ и хорошо торгуетъ — значить, подрывъ для прочихъ, а какъ онъ далъ страшную клятву бросить ремесло, такъ всѣ охотно помогаютъ.

— А еслибы онъ вздумалъ поторговать еще чаемъ?

— Тогда не знаю... Думаю, было бы плохо... Позвольте! прошепталъ Янкель, вытянулся во весь ростъ и, обхвативъ рукой дерево, свѣсилъ голову къ обрыву.

У меня ёкнуло сердце. Я началъ тревожно прислушиваться. До слуха моего долетѣлъ человѣческій говоръ, но какой-то странный, который, чѣмъ далѣе, тѣмъ становился явственнѣе.

— Янкель

— Тсъ! молчите ради Бога.

Къ намъ приближался кто-то по направленію изъ Хотина и бормоталъ себѣ подъ носъ, должно быть, разный вздоръ, какъ это бываетъ съ подгулявшимъ человѣкомъ. По временамъ срывался у него куплетъ, пропѣтый глухимъ голосомъ. Веселый малый приблизился значительно.

— Гей! Кто тутъ? прокричалъ онъ: — а виведіть мене на дорогу. Я у noci нічого не бачу и ся напивъ трохи.

И онъ пропѣлъ музыку бойкаго казачка безъ словъ. Я напрягалъ зрѣніе и замѣтилъ фигуру человѣка, который стоялъ прямо противъ насъ. Это былъ руснакъ въ соломенной шляпѣ и съ большой палкой.

— Отъ не дойду до дому, молвилъ онъ съ прибавленіемъ обычной непечатной фразы: — ся зблудивъ та и шабашъ! А бачиця не первина ити зъ Хотиня... Эге! Та уже жъ куда нибудь дойду. Чи у Рукшинъ, чи у Гордевці, а десь буду.

Постоявъ еще съ минуту, руснакъ пошелъ дальше. Янкель все дергалъ меня за полу. Наконецъ ясно было удаленіе гуляки къ Днѣстру, что и подтвердилъ его говоръ, слабѣвшій постепенно. Онъ пропѣлъ уже въ отдаленіи два куплета плясовой пѣсни:

Вогоривъ я тобі,
Вогоривъ тричі,
Щобъ не лізла до мене
Ти сліотою въ вічі.

Вогоривъ я тобі,
Не хотіла слухать,
Почнужъ тебе букомъ
Я по спині чухать.

— Слышали? шепнулъ Янкель.

— Слышаль. Это пьяный руснакъ, сбившійся съ дороги.

— Онъ и пьяный не заблудится по всей Буковинѣ, а теперь ручаюсь, что не выпилъ ни одной литры водки.

— Не понимаю.

— Это передовой. Товаръ уже на этой сторонѣ. Руснакъ прошелъ весь лѣсъ, притворившись пьянымъ, и возвращается. Ходилъ онъ на развѣдки — не встрѣтитъ ли кого.

— Такъ это хитрость?

— Тсъ!

Полчаса пролежали мы, не шевельнувшись. Наконецъ Янкель дотронулся слегка до моего плеча. Я весь превратился во вниманіе. Почти противъ насъ слышались тихіе шаги, и я различилъ высокаго человѣка съ большою ношею на спинѣ, который осторожно пробирался между кустарникомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ остановился, перевелъ духъ и исчезъ за деревьями. Снова шорохъ, и снова человѣкъ съ ношей прошелъ тѣми же осторожными кошачьими шагами, и такимъ образомъ прокрались шестнадцать контрабандистовъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Каждый былъ навьюченъ, казалось, сверхъ силъ, но ни одинъ не произнесъ ни слова, даже не кашлянулъ, не вздохнулъ громко, и если бы я не зналъ, въ чемъ дѣло, то, лежа въ нѣсколькихъ шагахъ, не замѣтилъ бы этой интересной процессіи. Въ заключеніе прошелестѣло еще человѣка три, изъ отрывистаго шопота которыхъ можно было заключить, что проходили евреи.

— Ну что, видѣли? спросилъ тихо Янкель, пролежавъ нѣсколько минутъ безъ движенія.

— Видѣлъ.

— А какая польза?

— Что ты носишься со своею пользою. Я доволенъ — и basta, а обѣщанное ты получишь.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Но скажи мнѣ — какъ же они проберутся въ городъ?

— Это уже пустяки. Пойдемте прежде, выберемся на дорогу.

И Янкель, словно днемъ, повелъ меня между густыми деревьями. Вѣтви хлестали по лицу, цѣпляясь за платье, раза два сбивали съ меня фуражку, но мы наконецъ очутились на дорогѣ изъ Пригородка въ Хотинъ, и я остановился свернуть папироску. Было уже за полночь. Мы пустились скорымъ шагомъ. Янкель сказалъ мнѣ, что наканунѣ ярмарокъ чрезвычайно удобно ввозить и отправлять контрабанду, потому что крестьяне изъ дальнихъ деревень прїѣзжаютъ обыкновенно по ночамъ, и потому во всей окрестности большое движеніе. Кромѣ транспорта, перенесеннаго людьми, много еще мѣшковъ отправилось на руснацкихъ подводахъ. Совѣсть моя была встревожена, что въ глазахъ у меня совершился тайный провозъ недозволенныхъ товаровъ; но еслибы я измѣнилъ своему слову и далъ знать объ этомъ случаѣ, одномъ изъ многихъ, удачно прошедшихъ и, конечно, имѣющихъ еще пройти на границѣ, то пользы никакой для казны ожидать было невозможно. Пока я дошелъ бы до Хотина, пока добудился бы городничаго, пока тотъ принялъ бы мѣры, контрабанда могла быть въ безопасномъ мѣстѣ, и я оказался бы ложнымъ доносчикомъ, да и ввязался бы въ дѣло, не имѣвшее никакой связи съ моимъ порученіемъ. Выдать Янкеля — значило, не говоря уже объ измѣнѣ слову, посадить въ острогъ, и то голословно, безъ документа, еврея, какихъ въ Хотинѣ вѣроятно цѣлыя сотни, значило бы выказать со своей стороны одно неумѣстное рвеніе, надѣлать фальшивой тревоги и заслужить названіе челоуѣка, мѣшающагося не въ свое дѣло. Все это передумалъ я, подходя къ городу, и кончилось тѣмъ, что далъ Янкелю три рубля на водку у воротъ своего дома, гдѣ слуга съ безпокойствомъ ожидалъ моего прихода. Чтобъ не возвращаться больше къ Янкелю, окончу здѣсь же развязку этого знакомства. Поостранствовавъ по Бессарабіи и завернувъ снова въ Хотинъ, чтобы еще разъ объѣхать Буковину, я остановился на нѣсколько дней и поѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ для нѣкоторыхъ покупокъ. На площади передъ Варшавской гостинницей мнѣ попалась на встрѣчу еврейка замѣчательной красоты, но блѣдная и худая, вся въ лохмотьяхъ, ведя за руку пяти или шестилѣтнюю дѣвочку. Она пристально посмотрѣла на меня своими большими черными глазами и, схвативъ мою руку, начала цѣловать ее.

— Что съ тобой? спросилъ я, испуганный этимъ неожиданнымъ движеніемъ.

— О, добрый панъ мой!

И еврейка залилась слезами.

— Что такое?

Я скорѣ вынулъ портмоне подать милостыню.

— Я жена Янкеля, помните, въ Хотинѣ.

— А! онъ здѣсь?

Еврейка покачала головою. Квартира моя была въ нѣсколькихъ шагахъ, и я позвалъ за собою больную женщину. Оказалось, что чичероне мой попался гдѣ-то далеко и сидѣлъ въ острогѣ, даже безъ надежды на счастливое окончаніе. Жена его собирала милостыню и думала отправиться на родину. Въ Хотинѣ ей помогли немного, но посовѣтовали убираться поскорѣ, такъ какъ жила она безъ всякаго вида. Выслушавъ печальную повѣсть и пожертвовавъ, что было можно, бѣдной женщинѣ, я тогда только вздумалъ спросить ее — какимъ образомъ она могла знать меня.

— Я васъ видѣла и хорошо замѣтила, какъ вы нѣсколько разъ проходили съ моимъ мужемъ. Онъ очень любилъ васъ. Панъ! графъ! не можете ли вы пособить бѣдному Янкелю...

И еврейка снова заплакала.

— Ничего не могу, милая. Я всегда говорилъ ему, что ненадежно его занятіе. Но какъ же онъ попался и гдѣ?

— Охъ, это долго рассказывать. Онъ былъ исправный человекъ, зарабатывалъ, но рѣдко ходилъ за границу. А тутъ случилось — одинъ купецъ заболѣлъ, самъ не могъ ѣхать подъ Кременецъ, вотъ и послалъ моего мужа, обѣщавъ хорошія деньги. Янкель послушалъ, поѣхалъ... Что тамъ было — не знаю, пришло только извѣстіе, что онъ раненъ, лежалъ въ больницѣ, а теперь въ острогѣ — и его судятъ и засудятъ... Спасибо, добрые люди помогли мнѣ, я дойду на родину, да какъ же я буду...

И больше я уже ничего не слышалъ ни о Янкелѣ, ни о его семействѣ.

Хотинъ раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ одна, составляющая новый городъ, обстроилась и продолжаетъ строиться на ровной площади, по плану, съ широкими улицами, заключая всѣ присутственныя мѣста и общественныя учрежденія; а другая, т. е. весь старый городъ, потянулась внизъ къ Днѣстру со своими старинными домами, шумнымъ

базаромъ, который преимущественно набить евреями, гнѣздящимися въ ужаснѣйшей тѣснотѣ, въ постоянной грязи, потому что какъ ни палящи лучи солнца, а не могутъ проникнуть въ это темное царство сырости и вредныхъ испареній. Единственная здѣсь большая улица — кривая, мощеная еще во время турецкаго владычества и застроенная сплошными рядами домовъ, занятыхъ всевозможными лавками, служить центромъ хотинской торговой дѣятельности. Я упомянулъ уже выше, что здѣсь настоящій лабиринтъ, и, хотя лавки вытянуты въ двѣ линіи, однако, иногда идете вы такими переходами, что недоумѣваете, откуда могутъ взяться подобныя извилины. Въ лавкахъ по большей части сидятъ женщины и дѣвушки и усердно запрашиваютъ. По предметамъ, выставленнымъ и вывѣшеннымъ для показа, трудно предполагать въ лавкѣ что нибудь особенное, но стоитъ вамъ спросить, напримѣръ, тонкаго полотна, изящныхъ кружевъ, самой щегольской шелковой матеріи, англійскаго фаянса — васъ подхватятъ, поведутъ, и передъ вами цѣлыя груды дорогихъ товаровъ. Разумѣется, съ васъ запросятъ чудовищную цѣну, но, если вы знакомы съ мѣстностью и вамъ нужно купить, хладнокровно поторговавшись, вы можете приобрести желаемое за весьма сходную цѣну. И надо удивляться особенному искусству евреекъ, съ которымъ онѣ увлекаютъ проѣзжаго, показывая товаръ лицомъ. Сидите вы, положимъ, въ лавочкѣ, гдѣ среди разнаго хлама нашлось нѣсколько штукъ дорогаго полотна, торгуя которое, вы изъявили желаніе приобрести хорошія чашки; чрезъ двѣ—три минуты является откуда-то еврейка и разставляетъ передъ вами посуду. Заикнулись вы о галстукахъ — какая нибудь хорошенькая продавица явилась уже съ цѣлыми коробами французскихъ и англійскихъ произведеній. И всѣ онѣ показываютъ, примѣряютъ вамъ товаръ, божатся, увѣряютъ въ своемъ безкорыстіи, лепечутъ между собою, и въ то же время хозяйка лавки зазываетъ новаго прохожаго или пріѣзжее семейство. У меня каждый день выходило нѣсколько денегъ на какія нибудь незначительныя покупки, которыя дѣлалъ я единственно съ цѣлью хоть немного изучить нравы и обычаи хотинскихъ продавицъ. Когда я уже довольно познакомился, еврейки встрѣчали меня очень привѣтливо и какъ-то смѣлѣе показывали контрабанду, не прибѣгая даже къ обычному маневру привѣщиванья пломбы, отрѣзанной отъ предмета, прошедшаго черезъ таможеню. Одна очень хорошенькая дѣвушка, торговавшая

женскими нарядами, являлась тоже съ мантильями, лентами, воротничками, рукавчиками, но какъ мнѣ не было нужно ничего изъ ея товара, то всё труды ея были напрасны. Никакія увѣщанія на меня не дѣйствовали, что, повидимому, оскорбляло красивую продавицу, и она уже не появлялась въ лавкахъ сосѣдокъ, а, когда я проходилъ мимо, только молча показывала мнѣ какой нибудь женскій нарядъ, вѣроятно питая хоть слабую надежду.

Мужчинъ-евреевъ тоже довольно сидить въ лавкахъ, но они какъ-то больше группируются гдѣ нибудь на улицѣ и ведутъ оживленные разговоры, которые, когда я познакомился съ бытомъ города, не казались мнѣ ужё странными. Мало ли о чемъ имъ потолковать между собою: въ лавкахъ могутъ сидѣть жены и дѣти, а у нихъ важнѣе интересы и болѣе важная торговля, потому что въ Хотинѣ поминутно пріѣзжаютъ евреи изъ окрестности. Случаются и довольно шумные митинги. Однажды шелъ я на базаръ для наблюдений и для покупки фруктовъ, какъ у криваго поворота улицы натолкнулся на большую толпу народа, т. е. евреевъ обоюго пола, разныхъ возрастовъ, отъ грудныхъ дѣтей до сѣдыхъ стариковъ, которые шумѣли и волновались. Разумѣется, я не могъ пройти мимо, не узнавъ причины происшествія или какого нибудь скандала, что въ уѣздной жизни представляетъ не послѣднее развлеченіе. Пробравшись ближе, я замѣтилъ среди толпы квартальнаго въ сопровожденіи полицейскаго солдата, которые, бывъ крѣпки увѣренностью въ свое могущество, ораторствовали одни среди еврейскаго населенія. Дѣло въ томъ, что по какому-то официальному доносу квартальный долженъ былъ обыскать одну лавочку по случаю запрещенной торговли спичками. Поняты были тутъ же, но смиренно стояли, оттѣсненные толпою. Хозяйка лавки ушла куда-то, бросивъ свой грошевой товаръ на попеченіе сосѣдки, а эта отстаивала чужую собственность съ крикомъ и всей разнообразной жестикуляціей, свойственной израильскому племени.

— Какія у нея спички, говорила она, стоя на порогѣ лавки и рѣшаясь лечь костями на ввѣренномъ посту: — вы, квартальный, и сами знаете, что спички запрещены.

— Что ты орешь, старая чертовка!

— Нехай я и чертовка, а не пущу.

Надо сказать, что на этомъ поворотѣ, во всѣхъ лавоч-

кахъ, обыкновенно стояли цѣлыя груды спичекъ — обстоятельство очень хорошо извѣстное и квартальному, и всеѣмъ лицамъ, составлявшимъ митингъ. Конечно, на ту пору онѣ были прибраны. Наконецъ явилась хозяйка лавчонки и вступила въ свои права. Зная еще съ утра о предстоявшемъ осмотрѣ, она убрала запрещенный товаръ и безпрепятственно допустила къ обозрѣнію разнаго хлама.

— Ну, вотъ, видишь, дура, обратился квартальный къ геройской сосѣдкѣ: — спичекъ у нея нѣтъ и баста.

— А я что вамъ говорила? Такъ надобно было надѣлать гвалту! Какія у насъ спички? развѣ же мы сами не знаемъ...

— Молчи, подлая баба! Неужь-то думаешь ты, что я отъ себя? мнѣ приказано.

— Мало чего приказано!

— Ну, я и донесу, что не нашелъ ничего, а ты смотри, въ другой разъ не попадайся, — не-то посажу въ острогъ.

Какой-то сѣдой еврей, снявъ шапку, подошелъ къ квартальному и началъ рѣчь въ примирительномъ духѣ, послѣ которой блюститель благочинія ругнуль собравшуюся толпу, поворотилъ вправо и исчезъ при всеобщемъ смѣхѣ обладателей и обладательницъ лавчонокъ. Женщины усѣлись на свои мѣста, а мужчины продолжали еще митингъ.

Я изъ любопытства подошелъ къ еврейкѣ, такъ энергически защищавшей интересы своей сосѣдки.

— Нельзя ли мнѣ пару коробочекъ сѣрничковъ? спросилъ я.

— Заграничныхъ?

— Да.

— Можно, по десять грошей (5 к.).

— Зачѣмъ же такъ дорого?

— Видите, какъ теперь за этимъ смотреть.

— Вижу, но все-таки не дамъ болѣе шести грошей.

— Такъ и быть, восемь.

— Не дамъ.

— Ну, хорошо, подождите минуту.

Еврейка отдала приказаніе дѣвчонкѣ, которая сбѣгала внутрь двора и принесла нѣсколько дюжинъ австрійскихъ спичекъ. Но меня удивило не то, что послѣ полицейскаго осмотра я купилъ запрещенный товаръ, а смѣлость, съ какою торговка разставила спички тутъ же, на прилавкѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— И ты не боишься? спросилъ я, отдавая деньги.

— А чего я буду бояться? Развѣ онъ не каждый день тутъ шляется? Развѣ онъ не видитъ и не знаетъ? Атъ! лишь бы...

— По какому же случаю обыскивали?

— Наябедничалъ кто-то.

Ярмарки или базары, бывающіе въ Хотинѣ каждое воскресенье, столь обыкновенные для туземца, представляютъ для прїѣзжаго зрѣлище оригинальное и нелишенное интереса. Ярмарки эти становятся на выгонѣ за городомъ, но иногда столько наѣдетъ окрестныхъ селянъ, что ряды тянутся въ старый городъ и запруживаютъ улицу, ведущую къ гостиному двору. На выгонѣ появляются евреи со всевозможными снадобьями, необходимыми крестьянину, который, прицѣнясь къ товару, отправляется иной разъ и въ лавки и весьма радъ выторговать лишній грошъ, стоящій ему версты двѣ ходьбы, не меньше. Къ ярмаркѣ привозятся деревенскіе продукты, пригоняются рогатый скотъ, лошади и овцы, и евреи проявляютъ въ эти дни необыкновенную дѣятельность. Многіе изъ нихъ бѣгаютъ, буквально высунувъ языкъ, и нерѣдко вступаютъ между собою въ рукопашный бой изъ-за какой нибудь кожи или свертка лука. Преимущественно наѣзжаютъ руснаки, но показываются и молдаване, а безъ присутствія цыганъ не обходится ни одна ярмарка. Последнее племя, хотя и значительно въ Бессарабіи, однако по Днѣстру попадаетъ рѣдко, а потому я и не имѣлъ возможности обратить на него должнаго вниманія. Во время поѣздокъ внутрь страны я видѣлъ и осѣдлыхъ, и кочующихъ цыганъ, но все это мимоходомъ, а говорить о томъ, чего не удалось изслѣдовать, говорить съ чужихъ словъ въ надеждѣ, что меня некому будетъ провѣрить — было бы крайне недобросовѣстно. Цыгане, которыхъ видѣлъ я въ Хотинѣ, принадлежали или къ крѣпостному сословію, или къ числу кочевниковъ, переходившихъ въ то время въ Бессарабію порядочными толпами изъ Молдавіи, гдѣ, по ихъ сознанію, было имъ очень худо и гдѣ обращались съ ними весьма не по человѣчески. Но у всѣхъ, на какой мѣстности я ихъ ни встрѣчалъ, преобладаетъ одна господствующая страсть — конокрадство. Есть изъ нихъ личности, далеко извѣстныя въ околоткѣ по своимъ подвигамъ.

Ближе къ городу, на ярмарочной площади, садятся на землѣ городскіе торговцы и торговки со своими товарами, образуя

улицы; дальше становятся возы съ деревенскими произведе-
ніями, а еще дальше выгоняють скоть и лошадей для продажи.
Разумѣется, здѣсь же нѣсколько водочныхъ выставокъ, безъ ко-
торыхъ не можетъ обойтись ни одно людское сборище. Нечего и
говорить, что въ этихъ пріютахъ одуряющаго напитка толпится
народъ съ зари до окончанія базара, и не одинъ руснакъ про-
пиваетъ не только барышъ, но и дѣлаетъ долгъ съ помощью
одного изъ услужливыхъ іудеевъ, изъ которыхъ каждый знаетъ,
какъ пять пальцевъ, всѣхъ окрестныхъ жителей. Къ полудню
ярмарки во всемъ разгарѣ: народъ успѣлъ уже продать и купить
все нужное и, конечно, успѣлъ пропустить литру, другую *горів-
ки*, отчего рѣчи дѣлаются шумнѣе, смѣхъ громче, сыплются ост-
роты, припоминается прежняя дружба, всплываетъ наверхъ
давнишняя непріязнь, выводящая за собою усердную пота-
совку, за которой слѣдуетъ примиреніе, разумѣется, вспрыс-
нутое тою же горівкою. Иногда раздаются лишь одни междо-
метія, особенно если ѣдутъ руснаки и русначки на повоз-
кахъ.

»Тягаря!« (но! гей!), »гойса« (налѣво), »чала« (направо),
»го! го! го!« (тпру!) слышите вы поминутно, пересыпаемая
непечатными фразами, о которыхъ я уже упоминалъ въ пер-
вой главѣ и которыя произносятся различными голосами, то
спокойными, то сердитыми, то густыми, то визгливыми и
дребезжащими. Женщины и дѣвушки, въ своихъ пышныхъ
вышитыхъ рубашкахъ, толпятся преимущественно близъ тор-
говокъ, продающихъ ленточки, сережки, кольца, стеклярусъ,
цвѣтную бумагу и т. п. снадобья, необходимыя для женскаго
убора. Парни съ длинными локонами, вьющимися по загорѣ-
лымъ шеямъ, въ хитро сплетенныхъ соломенныхъ шляпахъ, съ
добрыми люльками въ зубахъ, ходять по большей части безъ вся-
каго дѣла, потому что покупкой и продажей занимаются стар-
шіе, а они явились или въ качествѣ погонщиковъ, или просто
пріѣхали верхомъ поглазѣть на народъ, подтрунить надъ ка-
койнибудь торговкой и нахохотаться досыта иногда надъ
остротами собственнаго издѣлія. Дѣти обоего пола бѣгаютъ за
родителями, выпрашивая пряниковъ, баранковъ, булокъ и
другихъ лакомствъ, за что порой получаютъ колотушку; но
по большей части желанія ихъ удовлетворяются, потому что
лакомства эти не превышаютъ нѣсколькихъ грошей.

Нищіе на разные голоса просятъ милостыню, но я не
встрѣчалъ между ними ни кобзарей, ни лирниковъ, съ ко-
торыми всегда и вездѣ старался заводить знакомство. Это все

калѣки, слѣпцы, хромые, уроды, поющіе подчасъ *лазара* и умѣющіе *канючить*, по народному выраженію. Изъ двухъ десятковъ слишкомъ нищихъ, встрѣченныхъ мной въ Хотинѣ, я видѣлъ только одного интереснаго собственно своею судьбою. Это былъ старикъ лѣтъ подь семьдесятъ, бодрый, здоровый, но у котораго вмѣсто глазъ чернѣли однѣ ямки обросшія волосами. Возлѣ него стоялъ горшочекъ, въ который народъ опускалъ пожертвованія, а онъ дико вылъ и показывалъ на раскрытый ротъ свой, въ которомъ едва виднѣлся кусокъ языка чуть не у самой гортани. Зрѣлище было невыносимое. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ мальчикъ, котораго по одеждѣ я принялъ за подольца.

— Вы съ того боку? спросилъ я опустивъ, милостыню въ горшочекъ нищаго.

— А съ того, отвѣтилъ мнѣ круглолицый хлопчикъ, смотря на меня безъ страха.

— Кто же этотъ дѣдъ?

— А дѣдъ себѣ.

— Ты у него поводырь, что ли?

— Я поводырь у другихъ, съ этимъ дѣдомъ я хожу еще недавно.

— Гдѣ же другіе?

— Вонъ сидитъ въ дырявой шапкѣ нашъ *старшой*.

Я подошелъ къ *старшому*, слѣпцу съ необыкновенно плутовской фizioноміей и который, казалось, очень хорошо видѣлъ изъ-подъ своихъ бѣльмъ. Отсчитавъ нѣсколько копѣекъ *старшому*, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ въ надеждѣ выпытать что нибудь о безъязыкомъ.

— Да вы кто такой? спросилъ онъ.

— Приѣзжій.

— Издалека?

— Издалека.

— Что же я вамъ расскажу о безъязыкомъ? Онъ такъ съ давнихъ-давенъ.

— Знаешь что: бояться тебѣ меня нечего, я хотѣлъ бы знать побольше про безъязыкаго. Если хочешь, пойдѣмъ со мною, я тебѣ подарю пять золотыхъ (75 к.), а ты мнѣ по-расскажешь.

— Такъ какъ же? я утеряю ярмарокъ.

— Ты вѣдь не напростишь пять золотыхъ.

— Оно такъ, да все же.

— Ну, если хочешь получишь карбованецъ.

— И литру горѣлки?

— Можно.

— Пойдемъ. А гдѣ ваша станція (квартира)?

— Недалеко.

— Погодите же, я усажу своихъ. Гей, Хведько!

Мальчикъ, сидѣвшій возлѣ безъязыкаго, подошелъ къ намъ. Опираясь на проводника, *старшой* взялъ за рукавъ одного нищаго, потомъ кликнулъ другаго и, усадивъ ихъ рядомъ съ безъязыкимъ, приказалъ не трогаться съ мѣста, шепнувъ что-то на ухо. Въ мою сторону тотчасъ протянулись двѣ руки, въ которыя положилъ я по копѣйкѣ, и отправился домой въ сопровожденіи старшого и его проводника. Двѣ литры водки и надежда получить рубль сдѣлали слѣпца разговорчивымъ, и я со словъ его записалъ слѣдующее:

»Мы съ Архипомъ (безъязыкій) изъ одной деревни, издалека. Росли вмѣстѣ. Я потерялъ глаза отъ оспы, а онъ долго былъ зрячій и жилъ въ достаткѣ. Мой отецъ и мать умерли, и я сызмалу присталъ къ нищимъ: знаете, у меня былъ тоненькій голосокъ, такъ умѣлъ я скорѣе расжалобить; и, точно, добрые люди много мнѣ подавали. Сидѣлъ я въ Кіевѣ подъ лаврой и въ пещерахъ, заработки были славные, да захотѣлось на свой хлѣбъ, на волю, я и ушелъ тайкомъ на родину. Мнѣ пошелъ уже никакъ двадцать пятый годъ. Въ селѣ родныхъ никого, и рѣдко уже кто признавалъ меня. Архипъ женился, но дѣтей не было. Онъ обрадовался мнѣ и сказалъ, чтобъ жилъ у него, пока хочу, что хлѣба его не переѣмъ и лавки его не перележу, всего, молъ, вдоволь. Добрый былъ человекъ и силы такой, что по пяти пудовъ бралъ въ одну руку. Вотъ какъ сталъ я жить у него, то и замѣтилъ что Архипъ плохо занимался хозяйствомъ, а домъ былъ словно полная чаша. Жена тоже не хозяйничала, сидитъ, бывало, пѣсенки распѣваетъ да вышиваетъ сорочки да хустки себѣ да мужу; про черную же работу были у нихъ наймитъ и наймичка. Иной разъ Архипъ дома цѣлую недѣлю, а иной, смотри, уѣдетъ на нѣсколько дней и всегда возвращается ночью. Мнѣ не говорить ничего. Я сталъ замѣчать. Знаете, село близко границы—значитъ, промышлялъ контрабантой. Ну, что же за бѣда? всѣ почти наши селяне не прочь отъ этого, только не каждый можетъ быть вожакомъ и дѣлать дѣла на той сторонѣ; Архипъ же и въ Австріи былъ какъ у себя дома. Прожилъ я у него зиму, нечего сказать, въ теплѣ и добрѣ, рассказывалъ Архипихѣ про Кіевъ, про свои стран-

ствія, пѣлъ ей духовныя пѣсни и казацкія, что научился отъ заднѣпровскихъ бандуристовъ; меня не считали за дармоѣда или собаку и обходились какъ съ роднымъ; однако мнѣ опостылѣло сидѣть, сложа руки. Съ весною я намѣрился пойти въ Почаевъ, оттуда въ Кіевъ, тамъ подумывалъ про Воронежъ — и распрощался съ хозяевами. Они меня уговаривали жить у нихъ, но я просился, и они меня отпустили, одаривъ на дорогу: Архипиха дала бѣлья и хлѣба, Архипъ злотыхъ двадцать мелочью. Такъ я и пошелъ. Долго будетъ рассказывать, какъ и гдѣ я странствовалъ, какъ было попался въ одно дѣло, цурь ему! Въ Кіевѣ посчастливилось мнѣ собрать злотыхъ 300, да одинъ товарищъ, тоже слѣпой — чтобъ ему ни дна, ни покрывки — обокралъ меня и ушелъ съ черниговской ватагой. Покинувши Кіевъ, поплелся я въ Почаевъ, а оттуда завернулъ на родину. Надобно вамъ сказать, что Архипова хата стояла одна при входѣ въ село, и я когда по разспросамъ подошелъ къ кірницѣ (источнику), которая выкопана подъ большимъ дубомъ, то надѣялся со своимъ костылемъ добратся самъ до своихъ знакомыхъ. Иду и думаю — живы ли, здоровы ли, примутъ ли попржнему. Былъ жаркій день. Иду, щупаю дорогу. Вдругъ мнѣ стало прохладно: вступилъ въ тѣнь. Стало быть, дошелъ до Архипова саду. Повѣваетъ вѣтерокъ, и я какъ бы призналъ шелестъ высокой старой груши, которая росла у самыхъ воротъ. Пробую костылемъ — точно толстая груша. Я дальше — пусто... дальше торчатъ одни колья безъ плетня, большой бурьянъ. Я назадъ, къ грушѣ, и опять на дорогу: не ошибся ли, думаю. Налѣво, помню, при входѣ въ село, жили дальніе родственники Архипа. Не прошелъ я ступней двадцать, пробую — тынь, и слышу, какъ на дворѣ играетъ дѣтвора. На меня залаяли собаки. Я прислонился къ плетню и отбиваюсь. Выскочила дѣвочка, отогнала собакъ. Скрыпнула дверь, и послышался женскій голосъ: »кто тамъ?« Я призналъ Палажку и поздоровался. Повела она меня въ хату и посадила. Мнѣ какъ-то страшно стало разспрашивать про Архипа, но Палажка сама рассказала, что года три назадъ кто-то спалилъ его хату ночью, такъ что все погорѣло, а его нашли на границѣ чуть живаго, съ выколотыми глазами и отрѣзаннымъ языкомъ. Архипиха умерла съ перепугу. Архипъ вылечился и побирался по добрымъ людямъ. Разныя байки рассказывали про эту пригону, только все вышло не то, что я узналъ послѣ, черезъ какихънибудь двадцать лѣтъ. Ну, отыскалъ я Архипа, меня при-

вели къ нему. Мы не могли видѣть другъ друга, только, когда я назвалъ себя, онъ такъ страшно завылъ, какъ воетъ развѣ человѣкъ, котораго палачъ наказываетъ на площади: у меня просто волосъ всталъ на головѣ дыбомъ. Онъ бросился мнѣ на шею и зарыдалъ. Я оцупалъ лицо его руками, и изъ ямъ, гдѣ были глаза, капали слезы на мои руки. Мнѣ самому стало жутко такъ, что и я заплакалъ. Ну, одними слезами немного поможешь. Надобно было подумать. Люди у насъ, нельзя сказать, чтобъ недобрые, они помогали Архипу: кто дастъ кусокъ хлѣба, кто какую нибудь дырявую сорочку, кто и обогрѣть, но не нашелся ни одинъ принять во имя божіе. А какъ можно ему жить одному безъ глазъ и безъ языка? Что онъ? хуже малаго ребенка, ни попросить, ни поблагодарить, а такъ, кусокъ мяса на ногахъ, и только. Я подумалъ, да и говорю ему при людяхъ: »хочешь, Архипъ, ходить со мною по міру? Я хоть и слѣпой, да съ языкомъ, — стало быть, могу за тобой присматривать, мы станемъ ѣсть выпрошенный хлѣбъ вмѣстѣ и дѣлить пополамъ выпрошенный грошъ«. Онъ бросился опять ко мнѣ на шею и завылъ. »Да куда ты поведешь его?« начали были люди; »въ своемъ селѣ, говорятъ, все-таки лучше«. »Ничѣмъ не лучше, говорю; пока Архипъ былъ богатъ, у него считалось много друзей и пріятелей, а теперь вотъ онъ въ дырявой сорочкѣ и, можетъ быть, цѣлый день не ѣвши. Нѣтъ, добрые люди, я возьму Архипа: онъ въ счастье жалѣлъ меня и держалъ калѣку — и вотъ пришла моя очередь«. »Да куда же ты поведешь его?« говорятъ селяне. »Куда Богъ дастъ«, отвѣтилъ я имъ: »если и придется въ дождь ночевать гдѣ нибудь подъ тыномъ, то все же вдвоемъ какъ-то веселѣе. Пойдемъ въ Кіевъ къ св. угодникамъ печерскимъ, сядемъ подъ пещерами, и насъ не оставятъ добрые прохожіе«. Надо правду сказать, когда мы выходили изъ села, народъ провожалъ насъ и надавалъ намъ столько хлѣба, что мы едва понесли и въ сосѣднемъ же селѣ продали половину. Скоро я привыкъ различать нѣкоторыя слова, что белькочетъ Архипъ. Видите ли, это мнѣ было легко, потому что — разъ, я зналъ его прежнюю рѣчь, а другое — ходя мальчишкой съ нищими, я часто сиживалъ возлѣ стараго дѣда-гайдамака, которому ляхи отрѣзали языкъ и правую руку. Разказать онъ ничего не можетъ, а иныя слова лепечетъ, какъ ребенокъ. И такъ мы ходимъ вмѣстѣ уже сорокъ лѣтъ. Въ нашемъ ремеслѣ онъ много помогаетъ, ему подаютъ хорошую милостыню. Подумывалъ было я пристроиться

съ нимъ куда нибудь въ монастырь, да не принимаютъ... Напросимъ иногда довольно денегъ, такъ свои же обокрадутъ. Да еще и то: прежде бывало вольнѣе, теперь намъ и опасно шататься по свѣту. А куда мы годимся? Развѣ примутъ насъ на родинѣ? И что кому мы можемъ сдѣлать худаго, слѣпые, дряхлые! Только и покою, что на большихъ дорогахъ да по городамъ, а въ иныхъ селахъ уже писаря рѣдко отпускаютъ даромъ. Ну, этакъ лѣтъ черезъ двадцать, какъ я взялъ съ собою Архипа, узналъ я въ одномъ селѣ, что какой-то старикъ-еврей, умирая въ острогѣ, рассказалъ все дѣло про моего товарища. Видите ли, какъ разъ въ свѣтлый праздникъ перевезли черезъ границу много контрабанды, которою надобно было раздѣлиться троимъ поровну: еврею, одному пану и Архипу. Еврей съ паномъ хотѣли его обсчитать, но Архипъ разсердился и погрозилъ объявить начальству. Тѣ будто помирились и вышли вмѣстѣ изъ корчмы, но въ лѣсу ловко накинули на него петлю, скрутили руки и хотѣли убить. Еврей добылъ уже ножъ, но панъ побоялся большаго праздника, и они выкололи бѣдняку глаза и отрѣзали языкъ, а хату спалили со всѣмъ имуществомъ. Хорошо, скоро люди нашли Архипа, а-то истекъ бы кровью. Такія-то дѣла дѣлались въ старые годы. Однако, мнѣ пора къ своимъ».

— Ну, спасибо, сказалъ я. — Вотъ тебѣ два рубля. Но зачѣмъ же вы пришли въ Хотинъ?

— Да, видите, мы проходили въ Лядову, а какъ тѣмъ берегомъ кого-то разыскиваютъ и могутъ захватить и насъ за здорово живешь, такъ мы перебрались въ Калюсѣ въ Райю, да и завернули въ Хотинъ на ярмарокъ. Теперь поплетемся въ Почаевъ. Насъ ходитъ четыре человекъ. Ну, прощайте, панъ, дай вамъ Богъ здоровья.

Когда часа черезъ два снова вышелъ я на ярмарку, народъ развѣзжался, но между слѣпцами я уже не видѣлъ знакомыхъ нищихъ.

Вправо отъ базарной улицы отстраивается новая, и здѣсь живетъ довольно липованъ, какъ называютъ въ Бессарабіи великорусскихъ выходцевъ-раскольниковъ, которые во время религиозныхъ гоненій перешли въ западныя губерніи, а частью въ Бессарабію, находившуюся тогда подъ властью Турціи. Въ сѣверной Бессарабіи старообрядцевъ очень немного. Я видѣлъ ихъ невдали отъ Днѣстра лишь въ селеніи Грубномъ да въ Бѣлоусовкѣ — между Ломачинцами и Сокирянами. Въ Хотинѣ ихъ живетъ нѣсколько семействъ, занимающихся огородниче-

ствомъ и торговлей. Быть ихъ ничѣмъ не рознится отъ быта великорусскихъ крестьянъ-старообрядцевъ, да и костюмъ, утварь, хозяйственныя орудія и принадлежности въ томъ же видѣ, въ какомъ вынесены ихъ предками. Народъ довольно подозрительный, необщительный, живетъ запершись, но промышленный и, несмотря на сильную конкуренцію евреевъ, хорошо обдѣлываетъ свои дѣла. Какъ водится, у нихъ обширныя сношенія со своими сектантами, которыхъ такъ много въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, а также и въ Австріи. Знакомецъ мой Янкель передавалъ мнѣ кое-что изъ ихъ быта, на сколько можно было еврею проникнуть въ ихъ таинственныя сношенія. Но свѣдѣнія эти состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ контрабандныхъ случаевъ, даже неинтересныхъ, и передачи вѣстей изъ дальнихъ русскихъ городовъ въ австрийскую Буковину и обратно.

Близость Подольской губерніи набросила и на Хотинъ легкой колоритъ своихъ городовъ и мѣстечекъ. Во первыхъ, сами евреи отличаются нѣсколько отъ бессарабскихъ собратьевъ, т. е. немного уступчивѣе, промышленнѣе, а, во вторыхъ, есть въ городѣ хоть плохія ресторація и кондитерская. Разумѣется, и та, и другая отличаются грязью, тѣснотою, дурнымъ качествомъ произведеній, но для большинства оба эти заведенія вполне удовлетворительны и составляютъ даже гордость нѣкоторыхъ туземцевъ. Смѣшно было бы требовать хорошаго обѣда въ рестораціи, куда въ день придетъ душъ десять, или желать вкуснаго мороженаго и шоколаду въ кондитерской, въ которой иной день не бываетъ ни одного посѣтителя; однако обѣдъ все же вы найдете и можете заказать шоколадъ и мороженое. Если я не ошибаюсь, главную поддержку для рестораціи и кондитерской составлялъ пѣхотный полкъ, квартировавшій въ Хотинѣ (гдѣ постоянно есть войско); иначе, при малочисленности высшаго сословія, которое имѣетъ столъ у себя дома, трудно было бы имъ существовать одними пріѣзжими. Да и рѣдкій проѣзжающій остановится безъ надобности въ Хотинѣ, по случаю близости Каменецъ-Подольска.

Высшее общество Хотина, состоящее изъ служащихъ чиновниковъ и небольшого числа дворянъ, живущихъ въ городѣ, умноженное офицерами полка, имѣетъ единственное развлечение и то зимою — танцевальныя вечера въ собраніи. Увеселеніе это собственно относится къ молодежи или, лучше сказать, танцующимъ, а люди пожилые и нетанцующіе

имѣютъ единственное развлеченіе — преферансъ, которому и посвящаютъ свои досуги какъ въ собраніи, такъ и на частныхъ вечерахъ, довольно оживленныхъ зимою, когда съѣзжаются окрестные помѣщики съ семействами, и рѣдкихъ лѣтомъ, когда остается одно городское общество. При мнѣ въ залѣ собранія былъ концертъ, на которомъ присутствовали многіе хотинскіе обитатели обоихъ половъ и разныхъ званій. Играла на фортепіано какая-то дѣвица, пріѣзжая изъ Каменецъ-Подольска, играла громко и вызывала рукоплесканія, хотя ея игра ничѣмъ не отличалась отъ игры барышень, почерпающихъ свои музыкальныя познанія въ стѣнахъ незатѣйливыхъ пансіоновъ. Музыка сама по себѣ не представляла никакого интереса, но рецензіи, раздававшіяся вокругъ, вознаграждали отсутствіе гармоніи и успокоительно дѣйствовали на душу. Большинство сводило на одну тему, что де и это хорошо для уѣзднаго городка, но нѣкоторые не соглашались.

— Я недавно изъ Петербурга, говорилъ одинъ: — и согласитесь, что для меня это просто дрянъ.

— Ну, нельзя сказать дрянъ, возражалъ другой, покручивая усы: — я вѣдь тоже лѣтомъ былъ въ Одессѣ и наслушался всякихъ музыкъ; нѣтъ она выдѣлываетъ трели недурно.

— Господа, чтобы судить о музыкѣ, вмѣшивался третій: — надо имѣть о ней понятіе, а такъ нельзя дѣлать серьезныхъ заключеній. Сколько я понимаю, эта артистка съ талантомъ. Послѣ первой пьесы подполковникъ сказалъ, что она заслуживаетъ одобренія.

— Знаетъ много вашъ подполковникъ, говорилъ небрежно господинъ, бывшій недавно въ Петербургѣ: — полковой хоръ и концертъ большая разница.

Несмотря на разнорѣчивые толки, концертанка была осыпана похвалами, и рукоплесканія не умолкали. Чтобы не отстать отъ другихъ, я тоже усердно хлопалъ ей за удовольствіе, которое она доставила, — видѣть хотинскую публику.

Впрочемъ, видѣлъ я все хотинское общество по вечерамъ на музыкѣ, которая въ праздники, по распоряженію полковаго командира, играла не на крѣпостной эспланадѣ, куда было далеко ходить публикѣ, а на площади новаго города. Вокругъ хора музыкантовъ ѣздило нѣсколько экипажей, разгуливали верхами офицеры, кто имѣетъ право носить шпоры, и ходило пѣшкомъ остальное человѣчество, описывая небольшой кругъ. По краямъ площади тѣснилось простонародье, между которымъ мелькали хорошенькія еврейки, и, разиня

рты, глядѣли прїѣзжіе руснаки, которые никогда не слышали болѣе или менѣе согласнаго хора музыкантовъ.

Хотинскій уѣздъ изобилуетъ дворянскимъ сословіемъ, и потому всегда въ городѣ есть прїѣзжіе помѣщики, являющіеся то за покупками, то въ присутственныя мѣста, то, наконецъ, просто поиграть въ карты. Однажды мнѣ случилось видѣть въ полномъ свѣтѣ чрезвычайно интересную личность — представителя тѣхъ бессарабскихъ сутягъ, о которыхъ я слышалъ, но не имѣлъ случая встрѣтить. И, дѣйствительно, подобная личность стоитъ внимательнаго изученія. Недалеко отъ Хотина лежитъ красивая деревня, доставшаяся по наслѣдству молодому помѣщику, съ которымъ я познакомился и въ домѣ котораго нашелъ истинное радушіе. Имѣніе было совершенно безспорное, и помѣщикъ ожидалъ только оффиціального ввода во владѣніе. Назначили день, и, кромѣ необходимыхъ чиновниковъ, молодой хозяинъ пригласилъ еще нѣсколько знакомыхъ провести у него цѣлый день въ деревнѣ, погулять по саду, полакомиться фруктами и наиграться въ преферансъ. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ. Дорогою онъ рассказывалъ мнѣ, что, несмотря на правоту дѣла, есть одинъ ябедникъ, который имѣетъ притязаніе на имѣніе, завалилъ суды протестами, и все это, не опираясь ни на какое право, а просто изъ желанія сорвать у неопытнаго молодаго человѣка малую толику. Земскій начальникъ очень жалѣлъ, что мнѣ не удалось видѣть знаменитаго господина, какого, по его словамъ, »со свѣчей поискать« въ цѣлой Бессарабіи. Подѣзжая къ деревнѣ, мы видѣли какого-то человѣка, который махалъ на насъ; но ямщикъ разогналъ лошадей, и мы не остановились на томъ основаніи, чтобы, во первыхъ, не заставить себя ждать, а, во вторыхъ, если крестьянинъ имѣлъ надобность, то до деревни нѣсколько десятковъ сажень, и онъ легко могъ отыскать земскаго начальника. Мы прїѣхали. По соблюденіи всѣхъ формальностей помѣщикъ пригласилъ гостей къ завтраку, но не успѣли еще приступить къ столу, какъ на дворѣ раздакъ стукъ повозки. Прокуроръ выглянулъ въ окно и увѣдомилъ, что явился знаменитый сутяга. Всѣ переглянулись въ недоумѣніи, но я съ особеннымъ любопытствомъ устремилъ взоры на дверь въ ожиданіи человѣка, который, дѣйствуя какъ истый врагъ противъ хозяина и не успѣвъ въ своихъ козняхъ, рѣшился прїѣхать на новоселье. Никто не тронулся съ мѣста. Въ дверь вошелъ небольшого роста господинъ съ просѣдью, съ ястребиной фізіономіей и обвелъ при-

сутствующихъ какимъ-то нахальнымъ взоромъ, въ которомъ свѣтились и сожалѣніе о неудачѣ, и злоба, и вмѣстѣ вызывающая иронія.

— Позвольте и мнѣ поздравить васъ, обратился онъ къ хозяину.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ тотъ, но не прибавилъ ни одного слова, которыми такъ богатъ лексиконъ гостепріимнаго хозяина.

— А вы, господа, обратился прибывшій къ чиновникамъ: — несмотря на мои протесты, ввели уже во владѣніе. Это не пройдетъ вамъ даромъ.

— Протесты ваши не имѣли никакого основанія, сказалъ земскій начальникъ: — и мы очень хорошо знаемъ свои обязанности.

— Позвольте. Я нарочно поставилъ даже человѣка съ новымъ протестомъ у въѣзда въ деревню, чтобъ онъ вамъ отдалъ бумагу, но вы не заблагоразсудили даже остановиться. Прошу, господа, прислушать.

Все улыбнулись, и хозяинъ предложилъ приступить къ завтраку. Что же вы думаете? знаменитый юристъ прежде всѣхъ налилъ себѣ рюмку водки, дѣятельнѣе всѣхъ работалъ ножомъ и вилкой, а за шампанскимъ, повидимому, усерднѣе прочихъ желалъ хозяину всевозможныхъ успѣховъ, и, хотя съ нимъ никто не разговаривалъ, однако, онъ долго еще оставался съ нами, какъ ни въ чемъ не бывало.

За городомъ, на сѣверо-восточномъ склонѣ днѣстровскаго берега, лежитъ нѣкогда грозная, а теперь упраздненная хотинская крѣпость съ древней генуэзской цитаделью. Конечно, во времена Сигизмунда, при тогдашнемъ состояніи стратегіи и артиллеріи, это была недоступная твердыня, но теперь ни самое положеніе ея вслѣдствіе высотъ, съ которыхъ въ нѣсколько часовъ можно разгромить ее, ни каменные стѣны съ широкими рвами не отвѣчаютъ условіямъ современной науки. Цитадель замѣчательна по необыкновенной крѣпости постройки. Это небольшое пространство, окруженное толстыми стѣнами съ башнями по угламъ, съ мостами, точно такой же архитектуры, какъ и въ Сорокахъ, Бендерахъ и Аккерманѣ. Вокругъ крѣпость турецкая, со стѣнъ и въ окна которыхъ великолѣпный видъ на Днѣстръ, на Жванецъ, Брагу и на живописные ландшафты Подолія, идущіе волнистою мѣстностью до самаго Каменца. Сохранились еще два минарета и колодезь саженъ двадцать глубиною. По рассказамъ одного

старого руснака я искалъ мѣсто, гдѣ стояла у турокъ висѣлица, на которой болтались иногда райяне и евреи, но, вѣроятно, рассказчикъ мой ошибся и не зналъ, что со времени взятія крѣпости русскими воздвиглись уже новыя строенія. Упраздненная крѣпость служитъ однако же Хотину большимъ подспорьемъ, а именно въ ней размѣщается полкъ и квартированьемъ своимъ не стѣсняетъ жителей. Подобная льгота — обстоятельство чрезвычайно важное въ жизни города какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Въ своемъ мѣстѣ (Эконом. Указ. 1861 г.) я уже говорилъ объ этомъ, но не могу не замѣтить и здѣсь, что размѣщеніе войскъ въ особо устроенныхъ зданіяхъ и непременно въ городахъ было бы одной изъ причинъ благосостоянія и городскихъ, и сельскихъ обывателей. Вѣдь есть мѣстности, занимаемыя, вслѣдствіе стратегическихъ соображеній, постоянно войсками, а многимъ ли понятно — что значить для бѣднаго семейства держать на квартирѣ солдата или офицера. Эта натуральная повинность — одна изъ самыхъ тяжелыхъ, и, посмотрите, какимъ лишеніямъ подвергается убогій обыватель въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а иногда и гораздо болѣе, смотря по обстоятельствамъ. У кого нѣтъ особой комнаты дать солдату, тотъ поневолѣ долженъ принять въ свою семью пришельца, который, вмѣсто добраго гостя, порою дѣлается самъ чуть ли не полновластнымъ хозяиномъ. Офицерскія квартиры тоже, въ свою очередь, бывають обременительны для обывателей, — я говорю для бѣдныхъ, у которыхъ только и есть одна чистая комната, куда они пускають жильцовъ за плату, и по причинѣ постоя должны лишиться заработка. Но я не стану дѣлать здѣсь очеркъ стѣснительнаго положенія обывателей при квартирваньѣ войскъ, а повторю только, что лучше было бы и для страны, и для самой арміи, еслибы въ городахъ построить обширныя помѣщенія для полковъ со всѣмъ ихъ хозяйствомъ. Сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ самыхъ бѣднѣйшихъ жителей, что они охотнѣе готовы были бы платить особый налогъ, нежели отбывать квартирную повинность натурою. Смѣю увѣрить, что и нравственность сельскаго нашего населенія была бы удовлетворительнѣе, судя по тому, что, несмотря на всѣ соблазны, она до сихъ поръ еще не весьма испорчена.

Хотинскіе мѣщане, вслѣдствіе захвата всѣхъ промысловъ и торговли евреями, не походятъ на мѣщанъ другихъ городовъ, а скорѣе приближаются къ сельскимъ обывателямъ.

Нѣкоторыя женщины только торгуютъ хлѣбомъ и фруктами на базарѣ, а мужчины по большей части занимаются крестьянскими работами.

Пристань у Двѣстра не представляетъ почти никакой дѣятельности. Плоты съ австрійскимъ и своимъ лѣсомъ проходятъ дальше, а мѣстные купцы приобрѣтаютъ дерево лишь для своего обихода. Переправа по почтовой дорогѣ на откуп у еврея, и я о ней сказалъ уже въ первой главѣ; желательно было бы видѣть эту часть въ большемъ порядкѣ и съ меньшими злоупотребленіями. Вообще въ бессарабскихъ переправахъ евреи дѣлаютъ буквально, что хотятъ, какъ бы насмѣхаясь надъ всевозможными постановленіями. Больно видѣть ихъ продѣлки съ простонародьемъ, и становится нецѣлѣбнымъ — какъ на большой почтовой дорогѣ произволь откупщика можетъ доходить до подобныхъ размѣровъ. Еврей, снявшій переправу, рассчитывающій на большіе барыши и неизвѣстно на что уповающій, употребляетъ всѣ способы не только выдрать послѣдній грошъ у крестьянина, но заставляетъ послѣдняго терять иногда нѣсколько часовъ времени, — и все это совершенно безнаказанно. Попробуйте пожаловаться на такого господина! Во первыхъ, кому вы пожалуетесь на берегу? а, во вторыхъ, рѣшитесь ли вы остаться лишнія сутки въ городѣ для принесенія своей жалобы? Но крестьянину это и физически невозможно по многимъ обстоятельствамъ. И здѣсь главную роль играетъ не еврейская раса, а просто неизлѣчимыя откупщицьи наклонности, которыя готовы обуять каждаго, кто прикоснулся бы къ откупу и поотвѣдалъ его сладости въ какихъ бы то ни было формахъ. Мнѣ кажется, посадить на переправѣ не только бессарабскаго еврея, но и какого нибудь мужа съ бритой физиономіей, постыщагося даже по средамъ и пятницамъ, — и тотъ не преминетъ извлечь что можно и притѣснить безголосую и беззащитную личность. На переправы, по крайней мѣрѣ, на большихъ дорогахъ, слѣдовало бы обратить вниманіе и отстранить произволь, который нагло и грубо обираетъ проѣзжихъ и, гдѣ нужно, прикрывается формальностями. Къ сожалѣнію, у насъ горе простолюдину какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ переправахъ: вездѣ онъ платитъ дань незаконнымъ поборамъ, и малѣйшій протестъ съ его стороны оканчивается или потасовкой за сопротивленіе порядку (?!), или суточнымъ ожиданіемъ очереди на берегу, что иной разъ для него хуже потасовки. Я это говорю не ради желанія придать разнообразіе своимъ статьямъ, наводя

читателя на мысль, что де я видѣлъ много, а дѣйствительно потому, что, живя долго у рѣкъ, имѣлъ возможность присмотрѣться къ такимъ поступкамъ на переправахъ, которые неизвѣстны даже и тому, кто самъ переправляется черезъ рѣки въ покойномъ экипажѣ или по казенной надобности.

Днѣстръ и въ верховьяхъ нельзя назвать нерыбною рѣкою, потому что въ немъ водятся: осетры, севрюга, стерляди, сазаны, судаки, вырезубы, но рыболовство здѣсь, вообще, не въ цвѣтущемъ состояніи или, лучше сказать, оно не служитъ предметомъ исключительнаго промысла. Въ межень Днѣстръ необыкновенно мелокъ, дно имѣетъ каменистое и представляетъ большія затрудненія для рыболова; зимой, когда онъ покрывается льдомъ, рыболовство, по причинѣ мелизны тоже неудобно — слѣдовательно остается только время половодья, бывающее два раза въ годъ, весною и осенью. Но разливы Днѣстра, несмотря на изобиліе рыбы въ рѣкѣ, представляютъ рыбакамъ немалый трудъ по причинѣ весьма быстраго теченія. Достаточно взглянуть на мѣстныя рыбацкія лодки — неуклюжія четырехугольныя корыта, въ которыхъ, вѣроятно, разѣзжали еще даки, — чтобы судить о неразвитіи рыбопромышленности. Въ подобной посудинѣ можно еще плавать, опираясь шестомъ въ межень; но когда рѣка принимаетъ бурный характеръ, то въ этомъ корытѣ, погоняемомъ вмѣсто весла коротенькой лопаткой, нельзя рѣшиться даже отвалить отъ берега. Мнѣ рассказывали въ Буковинѣ, что въ Хотинѣ есть искусные рыболовы, и потому, остановясь въ этомъ городѣ, я собирался посвятить нѣкоторое время на изученіе предмета. Съ этою цѣлью я началъ направлять прогулки свои по берегу Днѣстра, но при видѣ жалкихъ челноковъ, которыхъ нигдѣ уже невозможно встрѣтить даже на прудахъ, я возымѣлъ подозрѣніе, что поиски мои напрасны, въ чемъ, къ сожалѣнію, и убѣдился самымъ положительнымъ образомъ. Днѣстръ — единственная у насъ судоходная и рыбная рѣка, на которой рыболовство почти что до лимана въ довольно печальномъ положеніи: въ верховьяхъ — по причинѣ мелизны, въ низовьяхъ — по какой-то нелюбви береговыхъ жителей, особенно молдаванъ, къ промыслу, который, безъ сомнѣнія, могъ бы приносить значительную прибыль. Впрочемъ, Днѣстръ и въ отношеніи судоходства представляетъ рѣдкій примѣръ апатіи. Объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Рыболовство, на примѣръ, на Днѣпрѣ, не взирая даже на стѣсненія, идетъ своимъ чередомъ, и если не вездѣ обога-

щаетъ, то прокармливаетъ многихъ, а на Днѣстрѣ имѣетъ видъ какого-то диллетантизма. И здѣсь нельзя приложить закона политической экономіи о запросѣ и предложеніи. Рыба никогда не остается нераскупленной, напротивъ берутъ ее на расхватъ и сосѣдніе помѣщики, а преимущественно евреи. Но зато, по странному стеченію обстоятельствъ, здѣсь приложили чисто свѣтское правило »такъ принято«, и надо то еще сказать, что руснаки ловятъ кое-какъ рыбу, но молдаване рѣдко занимаются этимъ промысломъ, такъ что пониже Бендеръ, гдѣ уже Днѣстръ очень глубокъ, пріѣзжаютъ для рыболовства старообрядцы и покупаютъ право у молдавскихъ деревень, которыми усѣянъ правый берегъ, начиная отъ Атакъ и до самаго лимана, да и на лѣвомъ отъ Дубоссаръ идетъ это же племя.

Остается мнѣ сказать объ окрестностяхъ Хотина, заслуживающихъ болѣе или менѣе вниманія. Въ восьми верстахъ отъ города къ западу, по прямой дорогѣ въ Клишковцы, влѣво, противъ Недобоевцовъ, лежитъ деревенька Ставучаны, извѣстная по битвѣ и побѣдѣ, одержанной Минихомъ надъ турками. Единственные памятники послѣ этой битвы — окопы и небольшіе курганчики, разсѣянные по полю, гдѣ мирно растетъ теперь кукуруза. Объ этомъ событіи никто теперь не помнитъ и нѣтъ никакихъ преданій. Въ прежнее время находили обломки оружія, ядра, вырывали кости; но теперь все это встрѣчается очень рѣдко. Осмотрѣвъ поле битвы, я прямо отправился въ Клишковцы къ старику, который передавалъ мнѣ многое о туркахъ, и послѣ дружескихъ привѣтствій упрекнулъ его за умолчаніе о такомъ важномъ происшествіи...

— Какъ же, сказалъ онъ:—москаль тамъ разбилъ турка, да я, помнится, говорилъ вамъ объ этомъ.

— То-то, что не говорилъ.

— Окопы есть еще и теперь, а прежде были выше. Я не зазнаю, а покойный батько сказывалъ, что, когда палили изъ гарматъ (орудій), у насъ въ Клишковцахъ стекла брэнчали въ окнахъ. Трусъ былъ большой.

— А не рассказывалъ ли отецъ еще чего нибудь?

— Говорилъ, что наши клишковскіе турки прятали въ лѣса женъ и хозяйство.

Изъ двухчасовой бесѣды со старымъ руснакомъ я не вынесъ однако же никакого интереснаго свѣдѣнія.

Въ заключеніе о Хотинѣ могу сказать мое личное мнѣніе,

что это городъ по преимуществу еврейскій, и я не знаю, суждено ли ему торговое развитіе, если современемъ понизится тарифъ и свободная торговля убьетъ контрабанду. Во всякомъ случаѣ онъ не выдержитъ соперничества съ Каменецъ-Подольскомъ, и, хоть лежитъ надъ судоходной рѣкой, однако, австрійскія суда проходятъ мимо, а мѣстныхъ продуктовъ недостаточно для дѣятельности купцовъ, особенно если скоро будутъ истреблены лѣса въ нашей Буковинѣ.
